

ЭМИЛЬ

ГАБОРИО

I

В четверг 6 марта 1862 года, на второй день Великого поста, в полицию Буживаля явились пять женщин из деревни Ла-Жоншер.

Они заявили, что их соседку, вдову Леруж, одиноко живущую в домике на отшибе, вот уже два дня никто не видел. Несколько раз к ней стучались, но тщетно. Внутри не заглянуть — дверь заперта, окна плотно закрыты ставнями. Исчезновение хозяйки и тишина в доме насторожили соседок. Заподозрив несчастный случай, а то и преступление, они попросили, чтобы представители закона ради успокоения соседей сообразовали взломать дверь и проникнуть в жилище вдовы.

Буживаль — очаровательное местечко, по воскресеньям сюда стекается множество любителей и любительниц прогулок на лодках; здесь порой совершаются всякие правонарушения, но настоящие преступления редки. Поэтому комиссар сначала отказывался выполнить просьбу женщин. Но те столь долго и упорно настаивали, что он наконец махнул рукой и сдался. Вызвав бригадира жандармерии с двумя жандармами и прихватив слесаря, он вместе с ними последовал за соседками вдовы Леруж.

Деревня Ла-Жоншер приобрела некоторую известность благодаря изобретателю железнодорожной стрелки, на протяжении многих лет скорее настойчиво, чем успешно демонстрирующему публике работу своей системы. Эта

захолустная деревушка раскинулась на склоне холма, возвышающегося над Сеной между Мальмезоном и Буживалем. От нее минут двадцать ходьбы до большой дороги, которая, проходя через Рюэйль и Пор-Марли, соединяет Париж с Сен-Жерменом. Ведет в деревню крутой проселок, о котором министерство путей сообщения и слыхом не слыхивало.

Кучка людей с жандармами во главе двинулась по большой дороге, которая в этом месте подходит вплотную к Сене, и вскоре свернула вправо на проселок, прорезанный на склоне холма и защищенный с обеих сторон каменной кладкой. Еще несколько минут, и экспедиция подошла к жилищу вдовы Леруж, более чем скромному, но с виду вполне приличному. Этот домик, или скорее хижину, построил, вероятно, какой-нибудь парижский лавочник — большой любитель природы, поскольку все деревья вокруг были заботливо вырублены. Узкий по фасаду, но зато вытянутый в глубину двора, одноэтажный домик состоит из двух комнат и чердака. Вокруг раскинулся запущенный сад, защищенный от воров метровой оградой, сложенной из плоских камней и местами уже обвалившейся. В сад ведет деревянная решетчатая калитка, подвешенная на проволочных петлях.

— Это здесь, — объявили женщины.

Комиссар полиции остановился. По пути его свита изрядно пополнилась за счет окрестных ротозеев и бездельников. Окружало его уже человек сорок.

— В сад никого не пускать, — приказал он и, выставив для верности у калитки двух жандармов, пошел к дому в сопровождении бригадира и слесаря.

Набалдашником своей залитой свинцом трости он несколько раз громко постучал сперва в дверь, затем поочередно в ставни. После каждого удара внимательно прислушивался, но, не дождавшись ответа, велел слесарю:

— Открывайте.

Тот расстегнул сумку с инструментами и достал все необходимое. Не успел он вставить отмычку в замочную скважину, как зеваки загалдели:

— Ключ! Вот ключ!

Оказывается, игравший с приятелем мальчуган лет двенадцати заметил в придорожной канаве огромный ключ, выудил его и с победным видом принес к дому.

— Давай его сюда, мальчик, — сказал бригадир, — сейчас проверим.

Ключ подошел. Комиссар и слесарь переглянулись, полные самых мрачных предчувствий.

— Худо дело, — проворчал бригадир, и они вошли в дом.

У калитки, с трудом сдерживаемая жандармами, волновалась толпа; люди вытягивали шеи, влезали на стену, только бы хоть что-нибудь увидеть.

Заподозрившие преступление, к несчастью, не ошиблись: едва ступив на порог, комиссар в этом убедился. Первая комната мрачно и красноречиво свидетельствовала о том, что в ней побывали злоумышленники. Комод и два сундука были взломаны и разворочены. Во второй комнате, служившей спальней, царил еще больший беспорядок. Казалось, здесь неистовствовал какой-то безумец и перевернул все вверх дном.

У камина, уткнувшись лицом в золу, распростерлось бездыханное тело вдовы Леруж. Щека и волосы у нее обгорели, лишь чудом огонь не перекинулся на одежду.

— Ох, негодяи! — пробормотал бригадир. — Не могли просто ограбить, обязательно нужно было убить!

— Но куда же ее ударили? — спросил комиссар. — Я не вижу крови.

— Сюда, господин комиссар, между лопаток, — ответил жандарм. — Какие две раны, черт побери! Клянусь моими нашивками, она и охнуть не успела.

Он нагнулся и притронулся к телу.

— Да она совсем холодная! Окоченение, похоже, уже проходит — видимо, убийство произошло около двух суток назад.

Комиссар, кое-как пристроившись на краешке стола, писал протокол осмотра места преступления.

— Нужно не разглагольствовать, а искать виновных, — заметил он бригадиру. — Сообщите мировому судье и мэру. Кроме того, необходимо доставить в Париж в прокуратуру это письмо. Следователь сможет быть здесь часа через два. А пока я займусь предварительным расследованием.

— Письмо отвезти мне? — спросил бригадир.

— Нет. Пошлите кого-нибудь из своих людей, а вы мне понадобится здесь — будете сдерживать любопытных и приводить свидетелей. Тут ничего не трогать, я расположусь в соседней комнате.

Посланный жандарм поспешил на станцию в Рюэйль, а комиссар немедленно приступил к предписанным законом предварительным опросам. Кто такая была вдова Леруж, откуда родом, чем занималась, на что и как жила? Какие были у нее привычки, характер, знакомства? Имелись ли враги, не слыла ли она скупой, не могли ли ее убить из-за денег? Это и пытался узнать комиссар.

Однако свидетели, хотя и многочисленные, осведомленностью похвастаться не могли. Показания соседей были бессодержательны, отрывочны и туманны. Вдова была не здешней, никто о ней ничего не знал. Вдобавок многие приходили не затем, чтобы что-то сообщить, а скорее в надежде самим поживиться известиями. Только садовница, водившая дружбу с вдовой Леруж, да хозяйка молочной, у которой покойная делала покупки, дали кое-какие не особенно важные, но, во всяком случае, точные сведения.

В конце концов после трех часов утомительных допросов, выслушав все местные пересуды и собрав воеди-

но самые противоречивые показания и нелепые сплетни, комиссар располагал некоторыми более или менее достоверными фактами.

Два года назад, в начале 1860 года, г-жа Леруж прибыла в Буживаль с фургоном, полным мебели, белья и прочего скарба. Остановившись в гостинице, она объявила о своем намерении обосноваться в этих местах и сразу же начала присматривать дом. Найдя жилище по своему вкусу, она, не торгуясь, сняла его за 320 франков с уплатой вперед за полгода, однако арендный договор подписать отказалась.

В тот же день она въехала и почти сто франков истратила на ремонт дома. Вдове Леруж было года пятьдесят четыре — пятьдесят пять, она неплохо сохранилась и отличалась отменным здоровьем. Почему она поселилась в местах, где решительно никого не знала, — неизвестно. Предполагали, что родом она из Нормандии, так как по утрам ее часто видели в хлопчатом чепце. Приверженность к этому ночному головному убору нисколько не мешала ей днем одеваться весьма кокетливо. Обычно она носила нарядные платья и шляпки со множеством лент, а также увешивала себя уймой украшений. Без сомнения, в свое время она жила где-то на побережье, потому что море и корабли не сходили у нее с языка.

О своем муже говорить она не любила. По ее словам, он погиб при кораблекрушении. Больше никаких подробностей о нем она не сообщала. Только однажды при трех посторонних сказала молочнице: «Ни одна женщина не была так несчастлива в браке, как я». В другой раз бросила: «Что ново, то и мило: покойный любил меня всего год».

Вдова Леруж слыла богатой или по крайней мере зажиточной, но скупой не была: однажды ссудила женщину из Мальмезона шестьюдесятью франками, не назначая срока, и с возвратом не торопила. А еще как-то дала займы две-

сти франков рыбаку из Пор-Марли. Она жила в свое удовольствие, много тратила на еду, вино же заказывала целыми бочонками. Ей нравилось угощать знакомых, обеды у нее были превосходны. Когда ей делали комплименты по поводу ее богатства, она особенно не протестовала. Люди слышали, как она говорила: «Купоны я не стригу, но и не бедствую. Если мне понадобится, у меня будет больше».

Ни разу не обмолвилась она, хотя бы намеком, о своем прошлом, о родине, о семье. И хоть была чрезвычайно разговорчива, ни разу ни единого доброго слова не сказала о ком-нибудь из ближних. Можно предположить, что она повидала и жизнь, и мир. Была очень подозрительна и дома у себя запиралась, словно в крепости. По вечерам из дому не выходила; все знали, что за ужином она изрядно напивается и сразу ложится спать. Посторонних у нее видели редко: раз пять даму с молодым человеком и однажды двух мужчин — старика с орденом и юношу. Эти приезжали в роскошной карете.

В общем и целом мнение о вдове Леруж сложилось невысокое. Речи ее частенько бывали малопристойны и странны для женщины ее возраста. Однажды слышали, как она давала молодой девушке советы самого гнусного свойства. Тем не менее колбасник из Буживаля, дела которого пошатнулись, попытался посвататься к ней. Однако она дала ему от ворот поворот, сказав, что с нее вполне довольно и одного замужества. Соседи не раз видели, как к ней приходили мужчины. Сначала это был молодой человек, похожий на железнодорожного служащего, потом высокий пожилой брюнет в блузе, отличавшийся необычайно свирепой наружностью. Полагали, что тот и другой — ее любовники.

Комиссар продолжал расспросы и записывал свидетельские показания; за этим и застал его судебный следователь. Он привез с собой начальника уголовной полиции вместе с одним из его помощников.

Следователь г-н Дабюрон, тот самый, который впоследствии, к удивлению друзей, подал в отставку и удалился на покой как раз тогда, когда перед ним открывалась карьера, был статный мужчина тридцати восьми лет, весьма привлекательной наружности, с добрым и немного печальным лицом. Это печальное выражение осталось у него после тяжелой болезни, случившейся два года назад и чуть было не сведшей его в могилу.

Исполняя должность судебного следователя с 1859 года, он очень скоро приобрел блестящую репутацию. Трудолюбивый, терпеливый, одаренный здоровым и острым умом, он с редкой проницательностью умел распутать самое сложное дело, из тысячи нитей выбрать единственную, путеводную. Обладая железной логикой, он был непревзойденным мастером решать труднейшие задачи, в которых искомой величиной является преступник. Легко восходя от известного к неизвестному, он в совершенстве владел искусством собирать факты и превращать ничтожные и на первый взгляд несущественные обстоятельства в неопровержимые улики.

Однако, несмотря на все эти редкие качества, нельзя было сказать, что он рожден для подобной деятельности. Он занимался ею с содроганием и с превеликой осторожностью пользовался своей огромной властью. Ему не хватало дерзости для рискованных эффектов, в результате которых проявляется истина.

Г-н Дабюрон с трудом приспособлялся к иным методам, используемым без зазрения совести наиболее суровыми из его собратьев. Ему, к примеру, претило обманывать обвиняемого и ставить ему ловушки. В прокуратуре о г-не Дабюроне отзывались: «Трусоват». А все дело было в том, что при одном воспоминании об известных судебных ошибках волосы у него вставали дыбом. Ему нужны были не внутренняя убежденность, не предположения, пускай самые правдоподобные, а только самые непреложные доказательства. Он не давал себе отдыха вплоть

до дня, когда обвиняемый склонит голову перед уликами. Товарищ прокурора, смеясь, даже упрекал его, что он ищет не столько преступников, сколько невиновных.

Начальником уголовной полиции в ту пору был прославленный Жевроль, которому еще предстоит сыграть важную роль в драме наших героев. Человек он был несомненно способный, однако ему недоставало настойчивости, а кроме того, его частенько ослепляло невероятное упрямство. Потеряв след, он не желал в этом признаться, а тем более возвращаться назад. Он обладал замечательной отвагой и хладнокровием, и ничто не могло привести его в замешательство. Тая в сухощавом теле поистине геркулесову силу, Жевроль не колеблясь шел один на один с самыми опасными преступниками.

Но главной его особенностью, гордостью и величайшим достоинством была выдающаяся, необычайная память на лица. Достаточно ему было в течение пяти минут посмотреть на человека — и все: тот навсегда запечатлевался в его памяти. Отныне Жевроль мог узнать его где угодно и когда угодно. Ни самое невероятное окружение, ни самое немыслимое стечение обстоятельств не способны были сбить его с толку. Он уверял, что, глядя на человека, запоминает только его глаза. Людей он узнавал по взгляду, не обращая внимания на черты лица.

Несколько месяцев назад в Пуасси был проведен опыт. На троих арестантов набросили покрывала, чтобы скрыть особенности сложения каждого, на головы надели плотные капюшоны с вырезами для глаз и в таком виде показали Жевролю. Он тут же, ничуть не колеблясь, назвал трех своих бывших подопечных. Только ли случай помог ему в этом?

Помощником Жевроля в ту пору был ставший на праведный путь бывший правонарушитель — великий пройдоха и весьма искусный в сыском деле молодчик, к тому же люто завидовавший начальнику полиции, которого он считал посредственностью. Звали его Лекок.

Комиссар, начавший уже тяготиться ответственно-стью, встретил следователя и двух полицейских как избавителей. Он вкратце изложил факты и прочел составленный им протокол.

— Вы действовали совершенно правильно, сударь, — заявил судебный следователь, — все сделано безукоризненно, однако кое о чем вы забыли.

— О чем, господин следователь? — переполошился комиссар.

— Когда вдову Леруж видели в последний раз и в каком часу?

— Сейчас дойду и до этого. Ее видели вечером во вторник в пять двадцать. Она возвращалась из Буживаля с корзиной съестного.

— Господин комиссар, а вы уверены, что время указано точно? — поинтересовался Жевроль.

— Вполне, поскольку имеются совпадающие показания двух свидетелей — госпожи Телье и бочара, которые живут неподалеку. Они сошли с омнибуса, отправляющегося из Марли каждый час, и заметили на проселочной дороге вдову Леруж. Прибавив шагу, они догнали ее и беседовали с нею до самого ее дома.

— А что было у нее в корзине? — осведомился г-н Дабюрон.

— Этого свидетели не знают. Им известно только, что она несла две запечатанные бутылки вина да литровую бутылку водки. Вдова жаловалась на головную боль и сказала, что, хотя в канун поста принято веселиться, она собирается лечь спать.

— Ну что ж! — воскликнул начальник полиции. — Я знаю, где следует искать.

— В самом деле? — промолвил г-н Дабюрон.

— Черт возьми, да это же яснее ясного. Нужно найти высокого брюнета в блузе. Водка и вино предназна-

лись ему. Вдова ждала его к ужину. Вот он и пришел, любезный дыхатель.

— Однако, — осторожно вмешался явно несогласный с ним бригадир, — она ведь была нехороша собой и довольно стара.

Жевроль с насмешкой взглянул на честного жандарма.

— Да будет вам известно, бригадир, — сказал он, — что женщина при деньгах молода и мила всегда, когда ей это нужно.

— Быть может, в этом что-то есть, — отозвался следователь, — однако меня скорее заставляют задуматься слова вдовы Леруж: «Если понадобится, будет и больше».

— Я тоже обратил на них внимание, — поддержал его комиссар.

Но Жевроль уже не давал себе труда слушать. Слово взяв след, он принялся кропотливо изучать все уголки комнаты. Потом вдруг подскочил к комиссару.

— Не во вторник ли, — спросил он, — изменилась погода? Две недели подмораживало, а потом полило. В котором часу пошел здесь дождь?

— В половине десятого, — ответил бригадир. — Я поужинал и решил обойти танцевальные заведения, и как раз на Рыбачьей улице меня застиг ливень. За десять минут на дороге образовался слой воды с полдюйма.

— Отлично! — сказал Жевроль. — Стало быть, если этот субъект явился сюда после половины десятого, башмаки у него должны были быть в грязи; в противном случае он пришел раньше. Были тут чьи-нибудь следы, господин комиссар?

— Должен признаться, мы не обратили внимания.

— А вот это весьма досадно, — с неудовольствием отозвался Жевроль.

— Погодите, — сказал комиссар, — мы можем проверить, нет ли их в другой комнате. Там ничего не трогали. Мои следы и следы бригадира отличить легко. Давайте-ка посмотрим.

Комиссар отворил дверь, и Жевроль первым делом остановил г-на Дабюрона:

— Прошу вас, господин следователь, позволить мне произвести тщательный осмотр, прежде чем туда кто-либо войдет. Мне это крайне важно.

— Ну разумеется, — согласился г-н Дабюрон.

Жевроль встал в дверях, остальные столпились у него за спиной. С этого места они могли обозреть место преступления. Все здесь, как и докладывал комиссар, было перевернуто вверх дном.

Посреди комнаты возвышался стол, накрытый тонкой белоснежной скатертью. На нем стояли изящный бокал граненого хрусталя, фарфоровая тарелка и лежал очень красивый нож. Была там и початая бутылка вина, а также бутылка водки, из которой отпито лишь несколько рюмок.

У правой стены по обе стороны окна помещались два великолепных шкафа орехового дерева с бронзовыми накладками изящнейшей работы. Шкафы были пусты, их содержимое — скомканное платье и белье — валялось по всей комнате.

В глубине у камина зиял распахнутый настежь стеной шкаф с посудой. По другую сторону камина стоял взломанный старинный секретер с треснувшей мраморной доской, в котором кто-то явно обшарил все до последнего уголка. Оторванная откидная полка болталась на одной петле, вытасненные ящики были брошены на пол.

Слева находилась развороченная постель. Даже тюфяк был вспорот.

— Никаких следов, — проворчал раздосадованный Жевроль. — Он явился до половины десятого. Теперь можно смело входить.

Начальник полиции перешагнул порог и, подойдя к труп вдовы Леруж, опустился на колени.

— Ничего не скажешь, чистая работа, — пробормотал он. — Убийца явно не новичок. — Затем, оглянув-